Мы продолжаем публикацию глав из книги «Мой темнокожий брат» в авторском переводе. Глава «Накануне» рассказывает о двух днях марта 1918 года в жизни семьи Ильиных, поселившихся в северном Квинсленде среди джунглей на плато Атертон в 1910 г. В центре повествования Леандро Ильин, женившийся на Китти, аборигенке из племени нгаджон, и его отец, русский писатель Николай Ильин. Текст предыдущих глав можно посмотреть на сайте elena.id.au

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Сын и отец

НАКАНУНЕ (ОКОНЧАНИЕ)

ЛЕАНДРО СО СВОЕЙ КОМАНДОЙ В перемётных сумах миновал школу и хижину Флетчеров и повернул направо к ферме Николая. Это был первый участок, который они осваивали, — им всем довелось потрудиться на нём в первые годы; в него были вложены все деньги, которые они привезли из Аргентины, и теперь он превратился в одну из лучших ферм в округе. Когда, в 1916 году, земельное управление инспектировало их земельный надел по выполнению условий его освоения — это давало право на получение земли в полную собственность — землеустроитель написал, что количество произведённых улучшений было намного больше, чем требовалось по инструкции. И действительно, семьдесят акров джунглей было расчищено и засеяно травой. С дороги был виден крепкий бревенчатый дом под железной крышей, с крыльцом, тремя комнатами и большой кухней, окружённый клумбами с цветами, — их гордость. Огород и фруктовый сад раскинулись направо, на спуске к ручью, а скотный двор, хлев, загоны для дойки и сарай с сепаратором помещались за домом. Их первое временное жилище — сарай из горбыля, построенный Леандро и Ромелио — теперь служил амбаром. Это в нём долгими дождливыми ночами, в той далёкой прошлой, жизни, Леандро мечтал о Миле Даниель. А настоящая жизнь была здесь — огромная оцинкованная цистерна для воды, 320 футов труб и гидравлический насос, качавший воду из ручья в дом и на скотный двор, проволочные заборы и скот — превосходные молочные коровы, пасущиеся на холме. И долги банку тоже — от этого никуда не уйдёшь...

Леандро выгрузил ребятню и распряг лошадь. Дик, Джинджер и Молли, треща на английском, русском и нгаджон, тут же убежали с Гектором и Нелли, но Флора осталась с Леандро. Они пошли в кабинет к Николаю. Он сидел за столом, переписывая стихи с разрозненных листков в синюю школьную тетрадь. Леандро узнал строки «Восточной поэмы», написанной отцом годы назад, когда они только начинали жизнь в Аргентине. «Я решил переписать её для вас, — сказал Николай, — ведь это и о нашем времени, о нашей нынешней России»:

Но вместе с долгими годами
С мартирологом прежних лет,
Жизнь открывает перед нами
Очам дотоле скрытый свет…

Так я, в прошедшего страданьях,
В потерях тяжких прежних дней,
Теперь лишь вижу воздаянье
Преступной пылкости моей.

И, верь дитя, кто меч булатный,
Войну, набеги полюбил,
Навеки тот и невозвратно
Своё спокойствье погубил.

ВОЗМЕЗДЬЕ ЖДЁТ...[1]

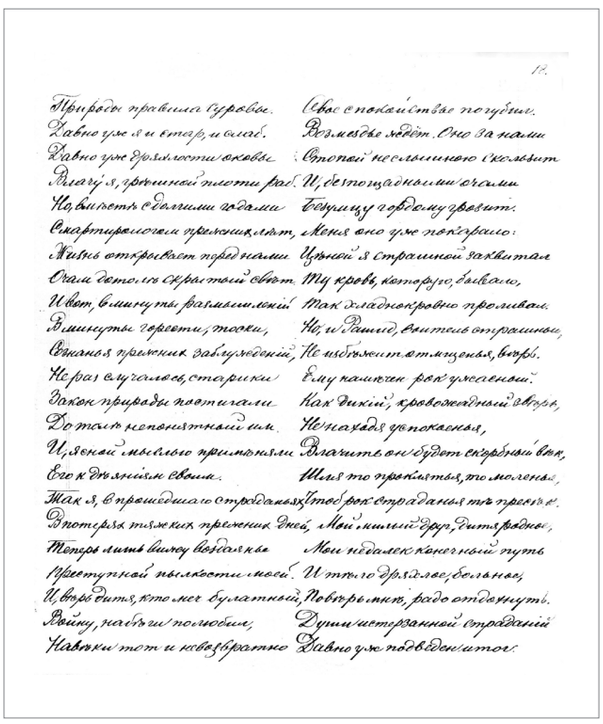
«Я скоро умру, но тебе это поможет найти верный путь в современном мире, охваченном враждой и кровопролитием». Его близорукие глаза заблестели от слёз за стальной оправой очков. И тут Флора, которая, как зачарованная, рассматривала страницы тетради, покрытые бисером рукописных строчек, прошептала по-русски: «Мой Деда! Деда!» и обняла его. Николай всмотрелся в её серьёзные тёмные глаза — какая тайна была открыта этой босоногой хрупкой девочке, которая была его плотью и кровью и в то же время плотью и кровью этой земли, где ему всегда суждено оставаться чужаком? Мог ли он предугадать, что Флора сохранит эту тетрадь стихов и, хотя и не умея прочесть их, пронесёт его стихи через все перипетии своей нелёгкой жизни, как память о её любимом «Деде»?

Ромелио присоединился к ним, и они стали вспоминать, как ровно год назад, когда новости о Февральской революции дошли до их краёв, они собрались в этой комнате, обсуждая первые скупые и противоречивые сообщения из «Кэрнс пост»: «Сенсация в России», «Отречение царя», «Начало русской эпопеи», «Всё смешалось в революции». Невероятное свершилось: великий день, которого Николай и его семья ждали все эти годы, пришёл. Предсказание Николая: «Кумир мы смело сбросим с трона, / И обратится в бегство царь», — сбывалось. Как радовались они, что отныне «всем несправедливостям, жестокостям и преступлениям, с помощью которых властители правили их страной, пришёл конец». Как верили они, что «новая власть будет полна самоотверженности, щедрости, благородства по отношению к побеждённым, и целью её будет подлинная свобода».[2] В те дни они горячо обсуждали возвращение в свободную Россию — в первые месяцы после Февральской революции многие русские политэмигранты в Австралии получили возможность вернуться на родину за счёт Временного правительства. К счастью, они упустили момент, и вскоре стало ясно, что первые ростки долгожданной свободы были сметены новым переворотом и разгорающейся в России гражданской войной.

В ТЕ ДНИ ОНИ ГОРЯЧО ОБСУЖДАЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В СВОБОДНУЮ РОССИЮ — В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ МНОГИЕ РУССКИЕ ПОЛИТЭМИГРАНТЫ В АВСТРАЛИИ ПОЛУЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ ЗА СЧЁТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

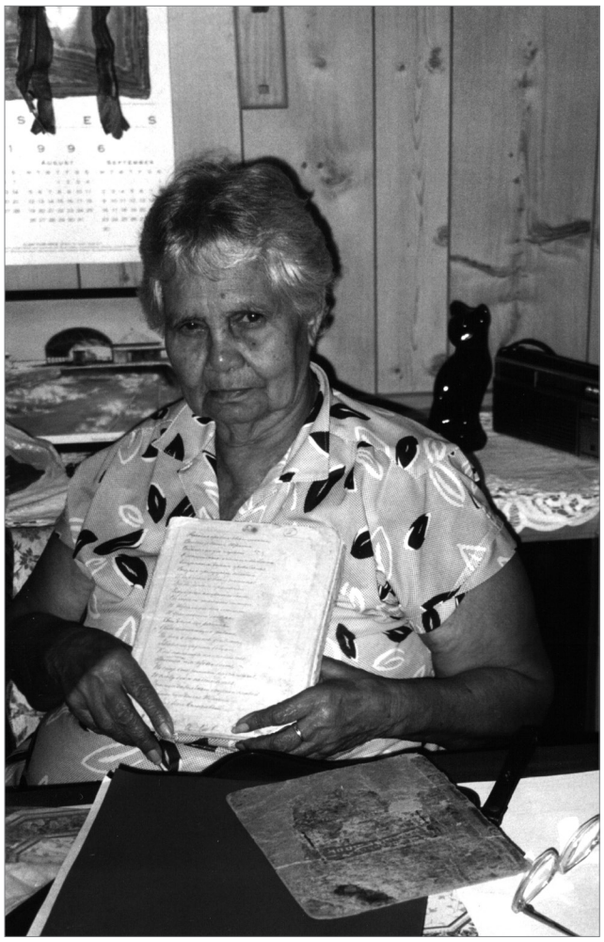
Единственное, что они теперь знали наверняка, это то, что они потеряли своих дорогих девочек, Тоню и Валю — дочерей Мани, старшей дочери Александры и Николая. Незадолго до войны Маня умерла от инфекции, развившейся после выкидыша. Девочки переехали в Саратов с отцом, Вильгельмом Петерсоном; здесь он получил должность главного инспектора Уральской железной дороги. Они поступили в Саратовский университет, одна должна была стать доктором, а вторая инженером. После падения правительства Керенского письма от них прекратились. Не было новостей и от Гавриила Иванова, их соседа и земляка, который, покинув Австралию в мае 1917 г., отправился в Саратовскую губернию, где жили его родители. Чего бы они ни сделали, чтобы спасти своих дорогих девочек, но надежды на то, что они живы, оставалось всё меньше. Сегодня Леандро впервые сказал: «Я не знаю, есть ли Бог, но, по крайней мере, Маню он избавил от страданий».

Страница рукописи «Восточной поэмы».

[1] Н. Ильин. [Восточная поэма], с. 18. — Рукопись в архиве Флоры Хулихэн, Таунсвилл.

[2] Н. Ильин. Песни земли, Париж, 1910, с. 35; N. Illin, 'Correspondence. A Russian on Russia', Cairns Post, 4 October 1918, p. 2; L. Illin, 'Correspondence. A Russian on Bolshevism', Cairns Post, 3 March 1919, p.7.

Восемьдесят лет спустя Флора всё ещё хранит тетрадь стихов своего Деда]

Пока мужчины говорили о последних новостях из России, Александра накрывала стол для детей. Какими разными они были — высокие светловолосые Гектор и Нелли и темнокожие малыши Леандро и Китти, — и всё же все они были её плотью и кровью. На лице Гектора витала застенчивая улыбка её рано умершего Пуши, глаза Нелли напоминали ей Валю и Тоню, а в тёмных глазах Дика и,особенно, Флоры ей виделась её собственная бабушка-татарка. Но дети не дали ей возможности унестись мыслями в далёкое прошлое; сначала они весело набросились на бабушкины пельмени, начинённые мясом лесной индейки, а, насытившись, потребовали рассказов. «Баба, расскажи, как я потерялся в буше», — просил Гектор. «Нет, лучше расскажи, как я мыла Дика», — настаивала Нелли. В конце концов, Нелли и Дик победили, и Александра начала свой рассказ:

«Ты тогда жил у нас, Дик, это было той зимой, когда твоя мама пряталась от полиции. В тот день я была очень занята, и я сказала двум старшим, Нелли и Гектору, отвести Дика к ручью и помыть его. И что же? Вдруг я слышу вопли. Как же ты орал, Дик! Я прямо подумала, что кто-то утонул. Я бегом к ручью, и вижу там Нелли... Сколько же тебе тогда было? Наверно ещё четырёх не было. И вот, Нелли держит песочное мыло и жёсткую щётку и немилосердно трёт Дика с ног до головы. Я кричу:

— Нелли, что это ты делаешь с Дики?

— Так я же его мою, Баба!

— Разве ты не видишь, что ему больно, когда ты так трёшь его этим мылом?

— Да нет, Баба, я ему не хочу сделать больно, но надо же оттереть его добела!»[3]

Последовал взрыв смеха, и Нелли даже покраснела от всеобщего внимания. Александра нежно обняла её за худенькие плечи. Сколько же забот она хлебнула с этой слабенькой девочкой, ставшей ей такой родной, что иногда ей казалось, что Нелли её собственная дочь, а не внучка. После того как Ильины взяли участки земли, Ара ненадолго задержалась в Бутчерс-Крике. Она всегда хотела быть независимой, и сейчас она оставила Гектора с Александрой и отправилась работать поваром в лагерях рабочих, строивших железнодорожные линии в северном Квинсленде. Где-то там она и повстречала парня по имени Харри Дейл из Балларата в Виктории.

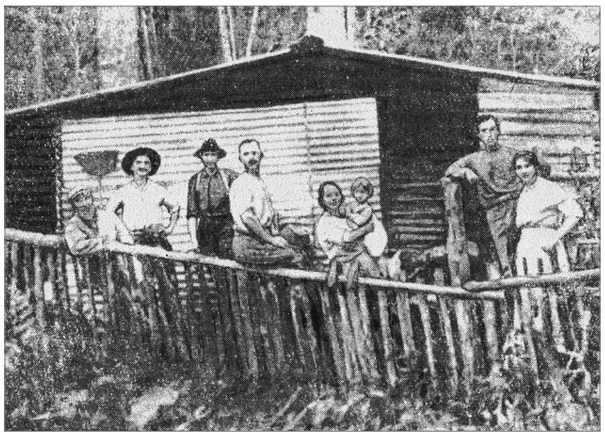
Когда они поженились в июле 1912 г., Леандро только что вернулся из своей разведочной экспедиции на Северную Территорию, и, вдохновлённые его рассказами, молодые отправились в Дарвин. Нелли, родившаяся в октябре 1913 года, была единственным результатом этого скоропалительного брака и, восемьдесят лет спустя, рассказала о тяжёлых событиях далёкого прошлого:

«Моя мать была очень властной и требовательной женщиной, и они не ужились друг с другом. Скоро в Дарвине она почувствовала себя больной и вернулась на ферму; оказалось, что она была беременна. Когда я родилась, Баба спросила её, показать ли ей ребёнка? Моя мать сказала ей: "Нет — убери её прочь". Меня отнесли в комнату Бабы и Деды, и всё

Тоня и Валя с отцом

[3] Based on tape 3B001, EGA.

Семья Ильиных у своего первого дома в 1912 г. Николай слева, рядом с ним сыновья и кто-то из соседей, Александра держит маленького Гектора, и Ариадна с мужем стоят справа. Фотография, посланная Николаем друзьям в Ташкенте, была напечатана в 1971 г. в журнале «Звезда Востока».

детство я жила с ними. А в это время мой отец написал моей матери, что он рад, что у них нет детей, так как он отправляется на войну, и хорошо, что ничто его не удерживает. Он пошёл на войну и вскоре был убит. Баба говорила, что о его смерти они прочитали в газете,в списке погибших.. Деда написал его матери, написал о том, что я родилась, и эта моя вторая бабушка хотела забрать меня к себе, но поскольку Деда сказал "Нет" и что он с Бабой сам меня вырастит, она больше никогда нам не писала».[4]

Ара никогда не говорила о своём неудачном замужестве, но Нелли всегда мечтала узнать о своём отце, о том, где он погиб, найти его австралийских родственников. Я попыталась найти его среди австралийцев, павших на Первой мировой, но оказалось, что хотя в армии служило несколько человек с именем Харри Дейл, но ни один из них не подходил к скудной информации, имеющейся о муже Ары. Ещё одна разрушенная легенда...

Вскоре Ара уехала, оставив новорождённую Нелли и Гектора на ферме у Бабы и Деда. Настоящим именем девочки было Элен, по имени Елены Прекрасной из Трои, но на английский лад её вскоре стали называть Нелли. Ильины не справились бы без Китти в те дни, к этому времени она как раз уже начала помогать Александре по хозяйству, и теперь она взяла на себя всю тяжёлую работу, пока Александра выхаживала слабенькую малышку, выкармливая её козьим молоком.

В 1916 году Ара, работавшая в это время поваром около Бибуры, встретила Джека Макая; он там управлял лесопилкой. Дик, сын Леандро, который встретился с Джеком годы спустя в Гондурасе, вспоминает:

«Он бы жёсткий человек, этот старина Джек. Кроме всего прочего, он был хорошим боксёром, и когда люди на его лесопилке забастовали, он без труда вернул их на работу. Он спросил каждого, хочет он работать или нет? Тех, которые сказали, что не хотят, он просто взял за нос и оттащил на их рабочее место. На этом споры прекратились»[5].

Ара и Джек, по силе своих характеров, могли поспорить друг с другом. Но понимала ли Ара сама, что все эти годы она ждала именно такого сильного человека, который обуздает её мятежную натуру? Именно это он и сделал. Она была покорена и наконец-то почувствовала себя спокойной и счастливой. В феврале 1917 года у них родились близнецы, мальчик и девочка. Девочка, названная в честь матери Ариадной, была такой слабенькой, что умерла вскоре после рождения, а мальчика назвали Сомерледом, или Сэмом, в честь младшего брата Джека, погибшего на войне, — Ариадна больше не хотела имён из греческой мифологии. В мае того же года Ариадна и Джек узаконили свои отношения, оформив брак.

ЗА БОРЩОМ ШЛИ БЛИНЫ — ВЕДЬ БЫЛО ВРЕМЯ РУССКОЙ МАСЛЕНИЦЫ, НАЧАЛО МАРТА, НО МЫСЛИ О ВОЙНЕ НА ИХ ДАЛЁКОЙ РОДИНЕ ТЕПЕРЬ ОМРАЧАЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕСЁЛЫХ МАСЛЕНИЧНЫХ ГУЛЯНИЯХ ПРОШЛОГО. ОДНАКО ПРИСУТСТВИЕ ДЖЕКА УДЕРЖАЛО МУЖЧИН ОТ ТЯГОСТНЫХ РАЗГОВОРОВ О РОССИИ, И ОНИ ПЕРЕШЛИ НА АНГЛИЙСКИЙ.

Александра только принесла пирог с персиками для детей, как прибыли новые гости — Ара с Джеком и Сэмом. Крепыш Сэм уже делал первые шаги, а Ара ждала нового малыша, до родов оставалось всего несколько месяцев. Александра с Арой накрыли стол для взрослых, и скоро вся семья собралась вокруг него, как когда-то давным-давно в Корковадо, в Аргентине. За борщом шли

[4] Ellen [Nellie] Dale Flores, 'Memoirs', 1996, EGA, pp.6–7; General Registry Office, Brisbane, Henry Dale and Ariadna Illin Steinkamp marriage certificate 12/0956.

[5] N. Naessens, 'Mackay: Dynasty behind the sleepy coastal town', *Register,* 10 May 1984, p.13.

блины — ведь было время русской масленицы, начало марта, но мысли о войне на их далёкой родине теперь омрачали воспоминания о весёлых масленичных гуляниях прошлого. Однако присутствие Джека удержало мужчин от тягостных разговоров о России, и они перешли на английский. Разговор шёл о практических вещах — ценах на сливки, опасности клещевой лихорадки у скота, доильных аппаратах и плохих дорогах... Чего не было на столе, так это спиртного: Джек теперь уже привык, что таков был обычай в этой странной русской семье; до встречи с Ильиными он думал, что все русские — пьяницы.

Летний день догорал, и пришло время для песен. Леандро снял со стены мандолину и заиграл их любимую песню «Ла Палома». Они все тихонько подпевали, и вместе со светлой мелодией в их новый дом, затерянный среди австралийских зарослей, входила карнавальная атмосфера Буэнос-Айреса, и девушка, как бы сотканная из солнечных лучей, танцевала, обещая возвращение и счастье. Ромелио слушал песню, полузакрыв глаза. Впервые его мысли не улетели в Корковадо, к девушке, сказавшей когда-то «Нет». Свою Палому он нашёл здесь, в Маленькой Сибири — это была 17-летняя Ольга Гадалова, и он всё еще боялся поверить своему счастью. Джек искоса смотрел на Ару. Она была сейчас где-то далеко, наверно, скакала на коне по прериям Патагонии, в своём прошлом, куда вход ему был навсегда заказан. И только Леандро отдался любимой песне без грусти — ведь он научился узнавать Палому в улыбке Китти и своих дочерей... А солнечная девушка всё танцевала, и вела их за собой в неведомое будущее.

Но вот пришёл черед революционных песен и любимой Николаем «Марсельезы», которую когда-то он сам переложил на русский язык. Эти песни они привезли из той, прежней России девятнадцатого века, а несколько самых новых узнали от своих русских соседей. С каким воодушевлением они пели их год назад, когда из России пришли первые вести о свержении царя! Но теперь им не пелось, как прежде, и песни, казалось, оплакивали их Валю и Тоню, оплакивали их Родину, оплакивали их жизнь вечных странников. Внезапно Ара, как будто проснувшись, взяла аккордеон, развернула мехи, и полились сильные аккорды «Из-за острова на стрежень...». Джек слушал, как голоса всей семьи слились в этой песне, и чувствовал, какая непомерная сила была сокрыта в его жене, в её семье. Теперь он был рад стать частью этих загадочных русских.

Ара и Харри Дейл в день свадьбы в Бутчерс-Крик.

ВНЕЗАПНО АРА, КАК БУДТО ПРОСНУВШИСЬ, ВЗЯЛА АККОРДЕОН, РАЗВЕРНУЛА МЕХИ, И ПОЛИЛИСЬ СИЛЬНЫЕ АККОРДЫ «ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ...» ДЖЕК СЛУШАЛ, КАК ГОЛОСА ВСЕЙ СЕМЬИ СЛИЛИСЬ В ЭТОЙ ПЕСНЕ, И ЧУВСТВОВАЛ, КАКАЯ НЕПОМЕРНАЯ СИЛА БЫЛА СОКРЫТА В ЕГО ЖЕНЕ, В ЕЁ СЕМЬЕ. ТЕПЕРЬ ОН БЫЛ РАД СТАТЬ ЧАСТЬЮ ЭТИХ ЗАГАДОЧНЫХ РУССКИХ.

* * *

Леандро, со своей командой в перемётных сумах, и Ромелио покидали дом родителей уже на закате. Небо над Бутчер-Криком было зловещего багрово-красного цвета. «Не нравится мне это небо, — пробормотал Ромелио, — завтра должно быть будет сильный ветер».

И ветер пришёл. Этот день, воскресенье 10-го марта 1918 года, навсегда вошёл в историю Северного Квинсленда. Сильный ветер дул с утра, переходя к западу и увеличивая неистовство

с каждым порывом. К 10-ти часам вечера он достиг ураганной силы. От ветра невозможно было укрыться, и становилось трудно дышать. Дождь лил потоками среди вспышек молний. Китти с детьми забились в угол их «миа-миа», прижавшись друг к другу. Леандро пытался закрепить крышу на столбах, но всё было напрасно. Около полуночи сильный порыв ветра сорвал крышу с их дома и понёс листы в сторону Бартл Фрер. Дом залили потоки воды, и стены, казалось, вот-вот рухнут. Леандро привязал верёвку к столбу и, взяв на руки Дика и Флору, повёл свою семью вниз с холма. Старшие дети шли за ним, держась за верёвку, а Китти с Томми замыкали шествие. Они остановились в верхней части вырубленной ложбины, на полпути к Карибу-Крик. Этот обычно тихий ручей теперь превратился в ревущий поток, сметавший всё на своем пути. В ложбине, между холмов, было немного потише, но ветер продолжал бушевать: казалось, он дул сразу со всех сторон, проносся над их головами обломки деревьев. Во время вспышки молнии они увидели, как стена векового леса в сотне метров от них внезапно была сметена, как спички, сломанные невидимой рукой.

Леандро взглянул на Китти: её мокрое лицо с широко открытыми тёмными глазами было обращено к Беллендeн Кер. «Это он, Мургалайня, он пришёл с гор за нами», — прошептала она на нгаджон, но Леандро понял её. В этот момент он чувствовал то же самое, и какая разница, что он называл это «стихийной силой»? Для его жены вся природа была одухотворённой, а он давно отвернулся от своего бога, поверив в силу человеческого духа. Но сейчас они с Китти были едины в отчаянном стремлении выжить и сохранить своих детей. Вместе с Китти они закрыли детей и молились своим богам — христианскому и языческому, и эта единая молитва была услышана. Ветер постепенно стал утихать, а когда пришёл рассвет, раздался привычный крик чаучиллы «чуу-чуу-чуу-чуу!» Она сидела на старом грецком орехе, одиноко простиравшем свои обломанные голые ветви над сотнями акров раскинувшегося кругом бурелома.

Они поднялись к своему дому, превратившемуся в кучу брёвен, куски крыши были разнесены по всему склону — а как же тяжело было их тащить несколько лет назад с Кэрнской тропы! Их пожитки виднелись тут и там сквозь обломки ветвей. Молли горько плакала над обрывками, в которое превратилось её платье, только вчера подаренное ей Бабой, но Джинджер не потерял присутствия духа, начав собирать всё, что можно было спасти из их немудрёного хозяйства. А тут и лошадь Леандро вышла из бурелома и подошла к ним, жалобно заржав.

Они решили пробираться на участок Ромелио и встретили его на полпути. Его новый дом выдержал циклон, но часть скота погибла под поваленными деревьями. Сам Ромелио тоже провёл нелёгкую ночь. Около полуночи он увидел, что с дома Давидсонов, стоявшего на другой стороне дороги, сорвало крышу. Он пошёл к ним на помощь, и нашёл всю семью, прятавшуюся в большом дупле дерева около дома. Привязав верёвку к стволу, он, вместе с Джорджем Давидсоном, провёл его беременную жену и трёх детей в находившуюся по соседству сыродельню, которая выдержала циклон. Затем, с той же верёвкой, он переправил туда и семью другого соседа, Питера Майлера.[6] Он успел побывать и у Ламиных, но ещё не знал, как пережили циклон их родители. Оставив Китти с детьми отдыхать в доме Ромелио, братья верхом поспешили на ферму родителей. Дорога Рассела была завалена ветвями, местами её перегораживали стволы сломанных деревьев. Им с трудом удавалось пробираться вперёд.

Повернув к ферме, они заметили издалека фигуры Николая и Александры. Дом, их настоящий дом, был полуразрушен, как и хозяйственные постройки. Родители, казалось, постарели за одну ночь. Мать просто сидела. Отец, как в помешательстве, бесцельно бродил среди обломков. И только Гектор и Нелли пытались сделать что-то полезное — они собирали листы бумаги, разлетевшиеся по всему участку, и раскладывали их для просушки. Большинство книг и бумаг, стоявших в доме на полке, были попорчены, и только архив Николая, хранившийся в кованом сундуке, уцелел. Ветер переворачивал разрозненные страницы «Дневника толстовца»...

— Как сад? — спросил Ромелио. Он знал, что́ для его отца было самым главным в этот момент.

— Урожай весь сбит, но большинство деревьев выстояли, они молодые и гибкие, они выживут, — медленно сказал Николай. Он смотрел на них с любовью, сквозь слёзы. Нелли и Гектор, Ромелио и Леандро. «Они молодые и сильные. Они выживут». ■

Продолжение следует.

[6] M. Fry, 'Memories of Mrs C. J. Fry, nee Mysie Davidson', *Bulletin of Eacham Historical Society,* n°. 24, 1978, pp.1–2; J. Waters, '[Memoirs]', in Short, *The Nation Builders,* p.38.